

ВОСПОМИНАНИЯ О В. Л. КОМАРОВЕ

Г. Э. Куренцова

(Биолого-почвенный институт)

Впервые мне удалось увидеть Владимира Леонтьевича Комарова летом 1933 г. на Горно-таежной станции АН СССР. Весной этого года мы с мужем—А. И. Куренцовым—приехали сюда из Ленинграда на работу. Он уже был лично знаком с академиком, я же знала его лишь от товарищей по работе; все они относились к В. Л. Комарову с величайшим уважением и искренней любовью. Не менее уважала Владимира Леонтьевича и Евгения Николаевна Клобукова-Алисова—его ученица и руководительница ботанических исследований в те годы на Горно-таежной станции.

В. Л. Комаров с супругой Надеждой Викторовной приехал поздним вечером из г. Уссурийска на простой телеге, их сопровождали ботаники—А. С. Порецкий, Н. Е. Кабанов и И. К. Шишкин. Последний был давнишний друг и спутник моего мужа по таежному бестропью Приморья. Они вдвоем в июне 1920 г. впервые нашли на горе Хуалаза—одной из вершин южного Сихотэ-Алиня, неизвестный до того времени хвойный стелющийся кустарник и передали его В. Л. Комарову, который установил, что это новый для науки род и вид растений, реликт отдаленной геологической эпохи, эндем

горной страны Сихотэ-Алинь. Он и назвал его микробиотой перекрестнопарной. Незадолго до этого им же был описан новый вид папоротника—из рода Фегоптерис, который встречался и в окрестностях с. Кондратенково.

Е. Н. Клобукова-Алисова, желая сделать приятное академику, накануне его приезда направила З. И. Лучник и меня в лес—найти этот папоротник и принести его в кабинет. Мы охотно выполнили задание, удивились только, что быстро нашли растение, лишь недавно описанное как новое для науки. Тем не менее, выкопали его, посадили в специально приготовленный ящик и торжественно поставили на видном месте.

Утром небольшой коллектив станции приветствовал почетных гостей; все конечно немного волновались. И вот быстрыми шагами вошел невысокий, темного полного, пожилой человек с седой бородкой «клинышком» и удивительно живыми, лучистыми, светлыми глазами. Он приветливо поздоровался со всеми, Евгения Николаевна представила тех, с кем он еще не был знаком, стала рассказывать о проводимой нами работе. Последняя заключалась в изучении кормовых (З. И. Лучник), древесных и кустарниковых (Т. В. Самойлова), медоносных (З. И. Гутникова) растений, их сезонного развития, в сборе гербария местной флоры.

Владимир Леонтьевич рассказал о перспективах работы недавно созданного им ДВ филиала АН СССР, Горно-таежной станции, о задачах ботаников по изучению флоры и растительности, о необходимости освоения горных склонов под сады и наиболее теплолюбивые сельскохозяйственные культуры. Затем он подошел к нашему папоротнику. Евгения Николаевна улыбаясь, сказала: «Это ваш новый вид, Владимир Леонтьевич!». Он внимательно осмотрел его и проговорил: «Позвольте, это же Атириум, а не Фегоптерис!» Все смутились, Евгения Николаевна бросила в нашу сторону строгий взгляд, разговор перешел на другую тему. Когда академик ушел обедать, папоротник уже без всякого почета вытащили из кабинета, товарищи дружно посмеялись над нашим промахом, но нам с Зиной было не до смеха.

В этот свой приезд В. Л. Комаров посетил Супутинский заповедник, экскурсировал в окрестностях Горно-таежной станции. Николай Евгеньевич Кабанов очень удачно сфотографировал его в долине речки Каменушки в экспедицион-

ном костюме. Эта фотография помещена в первом томе трудов ГТС, посвященном 40-летию научной деятельности В. Л. Комарова. Перед отъездом академик пожелал нам успешной работы по изучению природы любимого им Приморья.

В начале августа 1935 г. В. Л. Комаров с супругой снова приехал на ГТС вместе с А. С. Порецким и некоторыми другими сотрудниками филиала и кинооператором А. З. Кушевили и уже не на телеге, а на автомашине.

Встреча с В. Л. Комаровым и на этот раз была радостная, теплая; он приветствовал нас, как старых знакомых, всех помнил, интересовался, кто что сделал, чем занимается, пообещал содействовать скорейшему опубликованию подготавливаемого Станцией к печати первого тома наших работ.

На следующий день академик и сопровождающие его лица решили выехать с ночевой в Супутинский заповедник. Это оказалось для нас несколько неожиданным, т. к. предполагали, что поездка в заповедник будет дня через три. В связи с этим надо было срочно командировать туда кого-нибудь, чтобы сделать необходимые приготовления для встречи гостей. Выбор пал на З. И. Лучник и меня. В те годы в заповеднике было всего 5—6 маленьких домиков, в которых жили егеря, все мы во время полевого периода и, кроме того, профессор-герпетолог А. А. Емельянов с женой Елизаветой Николаевной, прекрасной хозяйкой и кулинаркой. До заповедника от Кондратенково (ныне Баневурово)—18 км, но дорога была лишь грунтовая; на автомашине можно было проехать только 5—6 км, а далее следовали 7 бродов через р. Супутинку, один—через р. Каменку и ехать можно было только на лошади. Мы, как правило, пользовались собственным, самым надежным и дешевым транспортом, т. е. ходили пешком. И на этот раз бодро и весело зашагали мы по знакомой дороге, к вечеру были на месте и сразу же принялись за организационные дела. Самое главное было уговорить Е. Н. Емельянову принять и накормить многочисленных гостей во главе с академиком. К счастью, она легко согласилась: обед вышел на славу. Мы—молодежь обедали у себя в домике за Каменкой, но вскоре к нам присоединился чудеснейший человек, А. С. Порецкий. Он весело заявил, что хотя наш обед и уступает емельяновскому, но зато здесь проще и уютнее. Мы, конечно, очень обрадовались такому признанию.

Утром мы и сотрудники заповедника приветствовали Владимира Леонтьевича. Он очень рад был посетить любимые им места. Ведь еще в 1913 г. он изучал флору бассейна р. Сунутинки и опубликовал интересную работу о ней, добился организации здесь заповедника с целью сохранения для потомков уголка девственной уссурийской тайги и был очень доволен, что в нем проводятся значительные ботанические исследования, создан, хотя и молодой, но дружный коллектив, заложена первая научная плантация женьшеня.

После завтрака Владимир Леонтьевич и вся свита отправились прежде всего на эту плантацию. По дороге А. З. Кушешвили не раз фотографировал академика, просил его то сорвать какое-либо растение, то рассматривать дерево или цветок и т. п. Ученый добродушно ворчал, но выполнял требования. На плантации женьшень был в хорошем состоянии, растения отцвели, образовали завязи. Исследователь внимательно рассматривал почти каждый экземпляр, спрашивал о возрасте, агротехнике, сроках сезонного развития. Кинооператору захотелось обязательно снять на пленку академика в тот момент, когда он, якобы, находит дикий женьшень в тайге и выкапывает его. Владимир Леонтьевич согласился, зажужжал аппарат. Удачно получились кадры крупных деревьев, растущих у тропы. Между ними проходил В. Л. Комаров, раздвигая палочкой траву, как будто ища женьшень. Когда же нужно было показать, что он найден и академик его выкапывает, оказалось, что на плантации недостаточное освещение. Кинооператор настаивал, чтобы женьшень выкопали, посадили на полянке, где, к несчастью росли совсем не свойственные ему растения. Владимир Леонтьевич страшно возмутился: «Как это я буду обманывать кинозрителей? Разве женьшень может расти рядом с обыкновенной полынью?» Но пришлось покориться; киноленту засняли и вскоре демонстрировали ее не только на Дальнем Востоке, но и в центре страны. Думается, что никто не заподозрил фальсификацию и с интересом смотрел, как знаменитый ученый нашел не менее знаменитое растение.

Во время экскурсии по заповеднику В. Л. Комаров увлекательно рассказывал, как он впервые побывал в этих местах, что здесь изменилось, говорил о развитии науки на Дальнем Востоке; увидев то или иное растение, рассказывал о его свойствах.

Мне, помню нужно было узнать видовое название одного травянистого растения, часто встречающегося в лесах заповедника. Я знала, что это подмаренник, но какой вид, определить не могла. Спросила у Владимира Леонтьевича, он тотчас сказал, что это подмаренник даурский и тут же показал небольшое растение и лукаво спросил: «А это что?» К счастью, я знала, что это всход липы и быстро ответила. Академик остался доволен. Так, экскурсируя, оживленно разговаривая, мы совершенно забыли, что с нами ученый с мировым именем, вице-президент Академии Наук. Держал он себя удивительно просто, вспоминал некоторые эпизоды из своих путешествий по Маньчжурии, Северной Корее.

На следующее утро В. Л. Комаров захотел посетить Солонцовские скалы на водоразделе ключей Солонцового и Туровой пади. На этих скалах, в 1932 г. ботаник А. М. Скибинская—сотрудница ГТС, нашла новое для Приморья, оригинальное растение из семейства крапивных—жирардинию остроконечную, произрастающую в Юго-Восточной Азии, на п-ове Корея, в Китае. Это крупный однолетник с широкими листьями, сплошь покрытый длинными, жгучими волосками.

На склонах чаще других приходилось бывать мне, поэтому мне и пришлось быть проводником. Владимир Леонтьевич с большим удовольствием собирал в гербарий жирардинию и другие интересные растения: полынь золотистую, описанную им как новый вид, крошечную парietарию мелкоцветковую и другие виды.

Не обошлось и без приключения: Д. П. Воробьев, желая показать растение, стал взбираться вверх по каменистой россыпи. Вдруг из-под его ноги сорвался камень и с шумом покотился вниз, прямо к тому месту, где стоял Владимир Леонтьевич. Продолжалось это одно мгновение, все ахнули, но, к счастью, камень чуть отклонился и попал в мою ногу. Так все закончилось легким испугом. Хотя, если бы камень угодил даже в В. Л. Комарова, он бы не рассердился: ведь сам прошел многие сотни километров по горам и степям; знал, какие случайности могут произойти в любую минуту.

На следующий день предстоял обратный путь в Кондратенково. Мы медленно продвигались вперед, часто задерживал всех оператор Кушешвили, дополняя киноленту новыми кадрами. Мы же с Зиной Лучник, не привыкшие к медленной ходьбе, в сопровождении одного из руководящих работни-

ков филиала Ю. М. Онищенко незаметно выбились вперед.

Вскоре мы достигли последнего брода через Супутинку, где в ожидании В. Л. Комарова стояла машина. Ю. М. Онищенко, не привыкший к длительным пешим маршрутам, предложил воспользоваться ею, доехать до Кондратенково. На наши протесты, что это неудобно делать, т. к. скоро должен прибыть академик, ответил, что хозяин машины он и имеет право ею распоряжаться. Скрепя сердцем, мы сели в машину и через 10—15 минут подъезжали к селу. Навстречу вышла улыбающаяся Надежда Викторовна, уверенная, что это едет сам Владимир Леонтьевич. Тут уже и «храбрый» М. Ю. Онищенко смутился: выскочил из машины, стал объяснять, что мы специально поехали вперед, чтобы предупредить о скором приезде ученого и т. д., что машина сию же минуту поедет за ним обратно. Но... этому не суждено было осуществиться, т. к. шофер заявил, что горючее кончилось, надо ехать заправляться. Короче говоря, пока он заправлялся, Владимира Леонтьевича привезли на простой телеге.

Нетрудно представить, в каком положении оказались мы, только что начинавшие работать ботаники; приехали на машине академика, тогда как он сам из-за нас трясся на подводе.

Тит Петрович Самойлов изрядно шумел на нас: «С ума сошли, ребята! Как вы могли допустить?! Как покажетесь на глаза Владимиру Леонтьевичу?» Мы и сами этого не представляли.

В этот день предполагался торжественный обед в честь не только приезда Владимира Леонтьевича Комарова, но и по случаю рождения дочки у четы Воробьевых. Все сотрудники, конечно, должны были там присутствовать, а тут такой конфуз! К счастью, в дело вмешался Артемий Сергеевич Порецкий. Он пришел за нами, сказал, что Владимир Леонтьевич ничуть не обиделся, хочет обедать со всем коллективом. Скрепя сердце, пошли мы к столу, и действительно все прошло прекрасно. Академик был веселый и доброжелательный и даже предложил тост «за молодых, растущих ботаников». Мы бесконечно были благодарны ему и Артемию Сергеевичу.

А. С. Порецкий—ближайший друг и помощник Владимира Леонтьевича—приехал на Дальний Восток по его предло-

жению, всячески содействовал развитию здесь науки. Редактировал и содействовал опубликованию первых томов трудов филиала и Горно-таежной станции, сам совершал маршруты по Приморью.

В тот памятный день все предлагали тосты за расцвет науки на Дальнем Востоке, за ее кормчего—академика В. Л. Комарова. Последний охотно чокался, выпив рюмку, морщился, нюхал кусочек хлеба, как это принято, и лишь спустя порядочно времени выяснилось, что пил он совсем не водку, а обыкновенную кипяченую воду, т. к. по состоянию здоровья не мог употреблять алкогольные напитки.

Когда обед был в разгаре, произошло еще одно памятное событие. Бабушка Воробьевых, в квартире которых обедали, вынесла новорожденную и обратилась к Владимиру Леонтьевичу с просьбой быть как бы крестным отцом, дать ей имя. Тот немного задумался, затем сказал: «Вот, хорошее имя — Лилия». Так и появилась Лилия Воробьева—крестница академика Комарова. А. З. Кушешвили запечатлел ее на фотографии, в последующие годы он не раз снимал подрастающую девочку.

После обеда все разошлись счастливые и довольные, а на следующий день проводили с добрыми пожеланиями В. Л. Комарова в Ленинград, где он тогда жил. Позже ему не пришлось приехать на любимый Дальний Восток, т. к. он был избран Президентом Академии; ответственные дела не позволяли отрываться от столицы. Но связи с дальневосточниками оставались самыми тесными. Каждый сотрудник, приехавший в центр, всегда получал радушный прием в Управлении Академии и тем более—в БИНе и на квартире президента. Еще прежде, в Ленинграде, В. Л. Комаров завел такой порядок, что почти каждый из приезжающих в центр с Дальнего Востока обязательно должен был явиться к нему, рассказать о своей работе и общих делах. Он строго выговаривал тому, кто не выполнял этот неписанный «закон».

В. Л. и Н. В. Комаровы нередко устраивали специальные обеды для дальневосточников. В. Л. Комаров обычно был веселым, шутил, иногда и подтрунивал. Многие чувствовали на себе его добродушные остроты, а иногда и «штормовые» налеты. Владимир Леонтьевич вообще был удивительно добрый. У четы Комаровых всегда жили какие-то старушки—дальние родственницы, приютили они у себя на постоянное

жительство двух пожилых художниц—Е. А. Левченко и У. П. Корж, иллюстрировавших «Определитель растений ДВК», опубликованный В. Л. Комаровым и Е. Н. Клобуковой-Алисовой. В разговорах он никогда не подчеркивал своего превосходства. Иногда, будучи чем-то или кем-то расстроенным или раздраженным, он мог ни с того, ни с сего обрушиться на любого посетителя. Так, А. И. Куренцов рассказал, что он, решив переехать на постоянную работу на Горно-таежную станцию, хотел посоветоваться с В. Л. Комаровым и пришел к нему в БИН. Тот находился в своем кабинете; на стук в дверь—буркнул что-то неопределенное, а увидев посетителя, не спросив даже, зачем он пришел, стал с возмущением говорить, что надо работать, а не мешать другим. Смущенный А. И. Куренцов поспешил ретироваться, так и не поговорив с академиком. Когда же через пару дней он снова зашел к нему, то встретил самый радушный прием. Узнав, что А. И. Куренцов уже бывал на Дальнем Востоке, собирал вместе с И. К. Шишкиным микробиоту, Владимир Леонтьевич стал расспрашивать, в каких условиях она растет, посоветовал, в каких именно направлениях следует начать новые исследования и пр., и человек вышел окрыленный, полный горячего желания посвятить свою жизнь исследованиям именно дальневосточной природы.

В дальнейшем А. И. Куренцов не раз бывал у Владимира Леонтьевича и всегда находил поддержку. Как-то он описал в честь В. Л. Комарова новый вид бабочки—Лейкодрепана Комарова и при встрече рассказал ему об этом. Академик остался доволен, особенно тем, что ареал данного насекомого оказался близок таковому одному из интереснейших дальневосточных растений Эпимедиума корейского, которому В. Л. Комаров посвятил монографическую работу.

Триумфом деятельности Владимира Леонтьевича на посту Президента Академии Наук явилась организация юбилейной сессии, посвященной 220-летию Академии, в июне 1945 г. Война только что закончилась, города и села лежали в руинах, а в столице собирались ученые многих стран мира, чтобы приветствовать советских ученых, а в их лице и весь героический народ.

На этой сессии посчастливилось присутствовать в качестве делегата и А. И. Куренцову. Он вспоминает, как В. Л. Комаров, уже сильно больной, находил в себе силы привет-

ствовать иностранных гостей, любезно обходил их с бокалом, чокался, почти каждого приветствовал на его родном языке. Еще теплее он обращался к нашим делегатам, каждому хотел сказать что-нибудь приятное. Не обошел и дальневосточника.

Вскоре из-за пошатнувшегося здоровья В. Л. Комаров подал в отставку, а 5. XII, как известно, перестало биться сердце человека, так много сделавшего для советской страны и, в частности, для Дальнего Востока.

Большое счастье встретить на жизненном пути, хотя и кратковременно, таких людей, как В. Л. Комаров и А. С. Порцкий.